

Прозвенел звонок, весь класс бросился к своим партам. В открытую дверь вошла Нина Денисовна, наша учительница, рядом с нею — незнакомый мальчишка.

— Здравствуйте, ребята! Знакомьтесь, у нас в классе новенькая — Саша Арсеньева.

— Санька я, — глухим голосом представилась новенькая.

Все шумно расселись по своим местам — так, как сидели в прошлом учебном году, во втором классе. Рядом со мной на первой парте было свободное место: летом уехала с семьёй в Прибалтику моя соседка Рутка Приедайс. Вообще-то имя у неё было двойное — Бирута-Мария. Девчонка была классная, и я жалела, что не будет у меня больше в школе такой подружки. А тут рядом плюхнулась эта новенькая, которую мы приняли за пацана, в шкерах (это такие сатиновые с начёсом штаны, их ещё шароварами называют), в замызганной белой рубаше, с коротким мальчишеским чубчиком. С такой стрижкой мы, девчонки, пошли в первый класс, а во втором нам уже разрешили косы отращивать. Мальчишек, наоборот, раньше стригли «под ноль», а в третий класс все пришли с чубчиками.

Нина Денисовна поздравила нас с началом учебного года, пожелала успехов и начала урок — по расписанию было чтение.

— Откройте «Родную речь». Сегодня мы начнём изучать произведения наших русских писателей. Внимательно слушайте, как я буду читать, а сами по учебнику следите за текстом.

У Саньки учебника не оказалось, я пододвинула свой на середину парты и пальцем стала водить под строчками.

— Ванька Жуков, девятилетний мальчик, отданный три месяца назад в учение к сапожнику Аляхину, в ночь перед Рождеством долго не мог уснуть...

— Убери палец, — потребовала Санька, — ты не в первом классе.

Рассказ закончился. Тишина в классе была такая, что Нина Денисовна поняла: всем стало жалко бедного мальчика.

— Теперь закройте учебники, а если вы внимательно слушали, ответьте на вопросы, которые я буду задавать. Как зовут мальчика? Сколько ему лет? Кому он пишет письмо? Получит ли письмо человек, которому он написал? Почему мальчик живёт не дома с родителями? Как фамилия человека, у которого живёт этот мальчик?

Не знаю почему, но Нина Денисовна с первого класса всегда мне первой задавала свои вопросы. Вот и на этот раз обратилась ко мне.

— Ванька его зовут! — радостно сказала я, вскочив с места.

— Ванька Жуков, — громко поправила меня новенькая.

— Правильно, Арсеньева, — похвалила учительница, — но отвечать надо стоя и только тогда, когда тебя спрашивает учитель. Там, где ты раньше училась, разве были другие правила поведения на уроках? Ну а вот теперь попробуй ответить на вопросы, которые ты запомнила.

И тут моя соседка, как из пулемёта, быстро и чётко за-  
тарахтела:

— Ваньке девять лет, он живёт не с родителями, потому что они отдали его учиться к сапожнику, фамилия, кажется, Аляхин. А пишет Ванька письмо своему дедушке в деревню, чтобы тот забрал его к себе. Ему у сапожника плохо, его обижают.

Закончив, Санька выдохнула:

— Всё!

— Нет, не всё! На главный вопрос ты не ответила: получит ли это письмо Ванькин дедушка Константин Макарович?

— Не получит, — вдруг тихо и печально выдавила из себя Санька, — Ванька же не написал, в какой деревне дедушка живёт...

— Молодец, — снова похвалила Нина Денисовна мою соседку. — У тебя, девочка, доброе сердце.

И тут новенькую словно подменили.

— Я пацан, а не девчонка! — грубо возразила она.

На перемене мы классом, кроме этой Саньки-пацанки, собравшись в коридоре, обсуждали её школьную форму и странное поведение.

К четвёртому уроку всезнающая Ирка Фирер, распахнув чёрные глазищи, поведала нам:

— Приехали Арсеньевы втроём, без отца, — тётя Аня и близнецы Лёшка и Сашка. Дали им большую комнату в мужском общежитии. Только почему-то брат пошёл в четвёртый класс, а Санька в третий. Может, она на второй год оставалась?.. Хотя вон как здорово на чтении отвечала и на арифметике быстрее Гришки соображала.

Разберёмся, решили мы всем классом, что за человек эта Арсеньева, время покажет. Характер свой новенькая показала в первый же день.

Училась Санька хорошо, но убедить её не стричь волосы и переодеться в платье с фартуком: мол, деньги на форму педсовет выделит, — никто не мог — ни Нина Денисовна, ни завуч Клавдия Ивановна. Видимо, привыкла Санька ходить в штанах, носила то, что от брата доставалось — он был выше и выглядел старше. Говорили, что приехали Арсеньевы с одним фанерным чемоданом. К зиме школа выдала новым ученикам валенки, шапки и стёганые на вате фуфайки.

На переменах Санька держалась отдельно — выходила на крыльцо, по-пацански плевала с верхней ступеньки и смотрела куда-то вдаль. После уроков играла с

мальчишками в футбол или в запрещённые для школьников «зоску» и «пристенок». Обе игры — на деньги, и мы гадали: откуда у Саньки могли быть деньги? Разве что от выигрыша? Говорили, что играет она здорово и выигрывает аж до десяти копеек. А это же целое состояние — детский билет в кино стоил пять копеек.

Ирка Фирер как-то на перемене собрала нас, девчонок, и рассказала «по секрету»:

— Сегодня на большой перемене сама видела, как наша новенькая проходила по коридору мимо пятого класса, остановилась, а потом влетела туда и вцепилась в Витьку Рыжего за то, что он у Любки Сулеймановой полную чернильницу подменил на свою пустую. Та заплакала, а Витька кулак ей под нос, и Любка заткнулась. Санька чужую чернильницу вырвала из рук Рыжего, а тот просто обалдел от наглости: его все в школе боялись, а тут какая-то пацанка! Покрутил пальцем у виска, но Саньку не тронул.

...Зимы у нас лютые и снежные. Уже в начале ноября весь посёлок был в снежных завалах. Любимое занятие детворы по вечерам (а темнота крошечная наступала уже в пять часов) — скатываться с крыш сараев прямо в сугробы. С крыш чужих домов не осмеливались прыгать, хозяева могли поймать. Разрешала прыгать со своей крыши только добрая одинокая тётя Поля Янкина, но шпана боялась, что её крыша сама вот-вот развалится. Прыжки с крыш — удовольствие на все сто, а если сугроб свежий, неутоптанный, с высоты как ухнешь — и всё, завяз по самую шею. Пытаешься выбраться — бесполезно! И тогда на помощь «утопающему» бросаются те, кто постарше и покрепче.

— Давайте со школьной крыши попробуем скатиться! — предложила как-то Санька. — Там совсем невысоко, вон сколько снега навалило!

— Это же второй этаж! — робко возразили некоторые. Но показать себя трусом не осмелился никто.

По скрипучей лестнице самые смелые поднялись через открытое чердачное окно на второй этаж, чтобы оттуда на пятой точке, а то и на спине — вниз, в свежий сугроб.

Я потом тоже не единожды скатывалась со школьной крыши... но в тот первый раз возглавляла команду сама Санька-пацанка. С победным криком вместе со снежной лавиной она лихо покатила по тесовой крыше, но на самом краю, всего метрах в трёх от сугроба, краем фуфайки зацепилась за гвоздь и повисла. Все, кто наблюдал этот первый полёт, сначала дружно захохотали, подтрунивая, потом, поняв, что это не шуточки, замолчали. Те, что готовились вслед за атаманшей ринуться вниз, испугавшись, ждали...

А Санька болталась под самой крышей, фуфайка поднялась почти до плеч, оголив живот и спину. Было холодно и как-то жутковато оттого, что все оказались бессильны. Одиноко, как и Санька под крышей, качалась на столбе маленькая лампочка, тускло освещавшая место происшествия. И вдруг до сих пор молчавшая Санька не выдержала:

— Пусть кто-нибудь толстый скатится прямо на меня, может, сорвёт.

Те, кто был наверху, забыв про страх, стали один за другим скатываться туда, где зависла на краю крыши наша пацанка. Напрасно — никто не мог сорвать её с гвоздя. За ребяtnей со смехом наблюдали трое взрослых парней. Девчонки, уже дрожавшие то ли от холода, то ли от испуга, стали просить:

— Помогите, замёрзнет же Санька!

И наконец один из них, как сейчас помню — Юрка Бубнов, самый высокий парень в посёлке, наверное, под два метра, молча подошёл к лестнице и полез наверх. Все притихли. Вот он снова показался в окне, вот присел, раскинув свои длинные ноги, и покатила прямо на Саньку. Бац! Получилось! Долговязый Юрка вместе с Санькой под крики и девчачий визг рухнул в сугроб. Ребятня дружно и радостно заорала. А парни эти подхватили нашу Саньку на руки и давай качать:

— Молодец, пацанка! Крепкая кость!

Это было признание Санькиного героизма!

Нет, она не зазналась, она почувствовала, что здесь её приняли за свою, и стала чуток ближе к нам, поселковым ребяташкам. Даже на переменах не всегда уходила на крыльцо, а вместе со всеми ходила в хороводе:

— А мы просо сеяли, сеяли... дружно ладом сеяли, сеяли...

В начале апреля наш класс стал готовиться к вступлению в пионерскую организацию — дружно, вслух, учили наизусть пионерскую клятву. В пионеры хотели все, даже самые отстающие, но для них были особые условия — ко дню рождения Ленина исправить в журнале все двойки и тройки. Отказывали хулиганам — например, нашему Лёньке Астафьеву, который вечно вскакивал и орал на уроках, на переменах дрался с кем-нибудь; а вот Витьку Рыжего, хоть и учился уже в пятом классе, в пионеры так и не приняли — значит, о комсомоле он даже не мог и мечтать.

И вот настал этот день, двадцать второе апреля. В пионерской комнате был выключен верхний свет, в центре горел костёр — не костёр, конечно, а покрытый красной тканью треугольный шалаш, внутри которого были включены электрические лампочки. В зале были учителя, комсомольцы и старшие пионеры. Торжественно звучал гимн Советского Союза, под его звуки и вошли в зал мы, будущие пионеры. Старшая пионервожатая Эмилия Иннокентьевна взмахнула рукой, это был сигнал, — и мы хором стали читать клятву:

— Я, юный пионер Советского Союза, перед лицом своих товарищей торжественно обещаю...

А потом комсомольцы стали повязывать нам пионерские галстуки. Это школа закупила красный шёлк, а в поселковой пошивочной настрочили нам яркие треугольники. Вот такой нам был подарок от школы! Мы с Санькой стояли рядом, она в волнении крепко сжимала мою руку. Галстук ей повязала сама Миля (так мы за глаза называли пионервожатую), а вот мой галстук завязал кто-то из старшеклассников...

Мне казалось, что Санька до последнего дня боялась, что её не примут в пионеры. Почему — не знаю: училась почти без троек, с дисциплиной проблем не было, она даже в последнее время материться с мальчишками перестала. Что же так тревожило её?..

После того пионерского сбора наша Санька-пацанка сильно изменилась — то ли в нас поверила, то ли в саму

себя, стала разговорчивее и на переменах уже не уединялась. Однажды даже пооткровенничала со мной, когда я осмелилась её спросить, откуда они приехали:

— Мы на Дальнем Востоке жили, под Хабаровском, а потом от папки сбежали, он мамку сильно бил, нас тоже...

— Тебя и Лёшку?

— Да. Только нас не двое, а четверо. Мы все на «А» — Арсеньевы, чем папка очень гордился: он — Александр Александрович, мамка — Анна Аркадьевна, три моих брата — Андрей, Аркадий, Алексей и я. Папка хотел четвёртого сына Александром назвать. Злился на меня и на мамку, бил её по голове, пинал ногами, ругался матом. Нас, пацанов, муштровал: чуть что не так сказали или сделали — бил прутом. Говорил, что это воспитание розгами, мамку заставлял как парнишку меня одевать и говорить всем, что я сын Санька. Я так и привыкла, что я пацан. Мамка долго терпела, даже жалела его. Я слышала, как она тётке нашей говорила, что он после войны и концлагеря стал таким жестоким, потому что вернулся больной на голову. Прошлым летом папка со старшими братьями (они тоже двойняшки, перед самой войной родились) уехал к каким-то родственникам, а мы с мамкой собрали чемодан и сбежали от него, поездом долго-долго сюда добирались. Тётка посоветовала спрятаться где-нибудь в Сибири, чтобы отец нас не нашёл, вот мамка ваш посёлок и выбрала.

— Так вы навсегда у нас останетесь? — обрадовалась я.

— Не знаю. Нам тут нравится жить, у Лёшки друзья теперь есть, там папка не разрешал ни с кем водиться. Да и мамка больше не плачет, в пошивочную устроилась, сказала, что председатель поссовета обещал к лету домик выделить с огородом. А ещё (Санька непривычно застеснялась) — что денег заработает и форму школьную мне сошьёт с фартуками, чёрным и белым. Буду ходить как все девчонки.

Помолчав, Санька добавила:

— А ты зови меня Саша. Так меня только мамка зовёт...